

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-630-647

Научная статья / Research article

Политические ценности в европейском постсоветском пространстве: идентичность и суверенитет перед лицом интеграционных процессов

Н.В. Панкевич

Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург,
Российская Федерация

Аннотация. Направление интеграционных процессов на постсоветском пространстве определяется конкуренцией государств в специфическом организационном поле ценностей. Эффективность деятельности правительственных центров на этом поприще напрямую зависит от их способности переключения между политическими ценностями странового и универсального рядов. Эта способность сегодня становится ключевым атрибутом эмпирического суверенитета государства. В условиях асимметричной в постсоциалистических странах и неполноценной в бывших советских республиках интеграции в пространство ЕС решение этой задачи требует дифференциации буферных механизмов, ответственных за коммуникацию с внешними центрами, и ядра, удерживающего глубинные ценностные комплексы сообщества. Исследованы стабильность организационной связки государственного суверенитета и идентичности, специфика ее функционеров в постсоветском пространстве, в рамках которого для Российской Федерации открывается широкое поле действия, имеющее в фокусе идентитарные ресурсы социального большинства постсоветских и постсоциалистических стран, минуя коммуникации с проевропейски ориентированными и субординированными властными аппаратами.

Ключевые слова: идентичность, политические ценности, государственный суверенитет, социальная безопасность, постсоветское пространство, Восточная Европа, Европейский союз

Для цитирования: *Панкевич Н.В.* Политические ценности в европейском постсоветском пространстве: идентичность и суверенитет перед лицом интеграционных процессов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 630–647. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-630-647

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения»).

© Панкевич Н.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Political Values in the European Post-Soviet Space: Identity and Sovereignty in the Face of Integration Processes

N.V. Pankevich

Institute of Philosophy and Law UBRAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the intergation processes in the post-Soviet space and shows that their direction is determined by the competition of states in a specific organizational field of political values. The effectiveness of the governments in this field depends directly on their ability to switch between the political values of the country and universal aggregations. This ability is becoming a key attribute of the empirical sovereignty of the state today. It is shown that in the conditions of asymmetric integration into the EU space in post-socialist countries and insufficient integration in the former Soviet republics, the accomplishment of this function requires specific institutional adaptations: differentiation between buffer mechanisms responsible for communication with external value systems, and the core that holds the deep value complexes of the community. The stability of the organizational bundle of state sovereignty and identity, the specifics of its functionalities in the post-Soviet space are described as giving the Russian Federation an opportunity of value action, focused on the population of post-Soviet and post-socialist countries and bypassing communications with pro-European-oriented and subordinated power apparatuses.

Keywords: identity, political values, state sovereignty, societal security, post-Soviet space, Eastern Europe, European Union

For citation: Pankevich, N.V. (2021). Political values in the European post-Soviet space: Identity and sovereignty in the face of integration processes. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 630–647. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-630-647

Acknowledgements: The article was prepared under the auspices of the Program of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of all-Russian identity” 2020–2022 (the project “Public consent in Russia and the construction of civil identity as a way to achieve it”).

Постсоветское пространство в европейском интеграционном процессе

Наблюдаемое сегодня в пространстве европейского континента усложнение организационной среды, повышение плотности взаимодействий и интенсификация интеграционных процессов ставят перед постсоветскими и пост-социалистическими государствами сложные задачи. «Европейский выбор», предполагавший в 1990–2000-х гг. решение в основном прагматических вопросов безопасности, экономической стабилизации на основе либеральной рыночной модели, демократизации системы политического управления, к настоящему времени обнаружил ряд экстерналий, проявляющих встроенные властные асимметрии и субординирующий характер европейской политики в отношении интегрированных и ассоциированных стран бывшей социалистической периферии [Vernygora, Troitino, Västa 2016:7–23]. Расширительная динамика ЕС на восточном направлении показала, что целый ряд привносимых

нормативных комплексов и практик европейского генезиса оказывается малопривлекательным в оценках правительств и граждан стран Центральной и Восточной Европы. Ответом ассоциирующихся государств на нормативный экспорт становятся многообразные оградительные реакции, укрепление оппозиции по отношению к продвигаемым в ходе интеграции европейским ценностям, зримым проявлением которых становится усиление идентитарных политик и общественных движений. Характерно, что постсоциалистические страны демонстрируют существенное идейное сходство позиций в области как общеевропейских, так и внутривосточных повесток. «Вишеградский оппортунизм» центрально-европейских стран способствует консолидации особой, неучтенной в стратегиях европейских акторов региональной структуры сотрудничества, отличной на фоне ЕС общностью взглядов в отношении необходимых направлений реформирования Евросоюза и оптимизации его структуры, что предполагает сделать его более близким национальным государствам [Шишелина, Ведерников 2019:49], «гибкой солидарности» в целях сопротивления миграционной и интеграционной политике объединенной Европы [Потемкина 2016]. Одновременно внутривосточные реформы в постсоциалистических странах обладают сходной направленностью и, будучи сфокусированы на чувствительных секторах, обеспечивают стабильность охватывающего ценностного режима ЕС в отношении верховенства права, свободы слова и печати, провоцируют значимые конфликты, потенциально ведущие к санкциям по отношению к отклоняющимся странам.

Не менее напряженная обстановка складывается в отношениях ЕС в пространстве «общей с РФ периферии» [Flavier 2015:12], представленной странами в рамках программы Восточного партнерства, и прежде всего ассоциированными с ЕС бывшими советскими республиками. Специфическая модель распространения влияния ЕС на эти страны постсоветского пространства без предоставления перспективы членства в Союзе во многом дискредитировала ценностную составляющую европейской политики и позволила характеризовать расширение преимущественно как геополитический проект [Сутырин 2020:112], направленный на завершение заданной европейским видением пространственной трансформации континента [Болгова 2019:118], а также конкуренцию с другими центрами влияния – РФ и в более широкой перспективе Китаем.

Выраженные оградительные реакции, легитимизируемые отсылкой к уникальным ценностным основаниям, фундирующим социальный и политический уклад соответствующих стран, становятся определяющим трендом в постсоветском пространстве. Даже если «европейский выбор» и ассоциация с ЕС не ставятся под сомнение, требования изменений, укрепление позиций «альтеревропеизма» как попытки вернуться к исходному культурному коду в политике европейских государств приобретают все большее значение [Бирюков, Коваленко 2013:97].

В этом свете обсуждение вопросов интеграции на постсоветском пространстве смещается из области анализа институциональных реформ,

предполагающих включение страновых институтов в наднациональные системы управления и распределения властных компетенций внутри них, в область дискуссии о фундаментальной безопасности и самосохранении сообществ, объединенных отличным на фоне крупных объединений пониманием ценностей и смыслов, и механизмах, их утверждающих. Остроту дискуссии задают условия, когда под беспрецедентным давлением со стороны интеграционных процессов оказывается основной институциональный комплекс, несущий эту нагрузку. В условиях компромисса государственного суверенитета с наднациональными структурами управления стремление социумов целого ряда восточноевропейских стран обезопасить свою культуру и идентичность, конкурентная самоидентификация и осознание коллективной культурной специфики как императива политического развития становятся все более заметными явлениями [Горшков, Тюрина 2018:48]. И, следовательно, институтом, который обеспечивает безопасность в понимании ее как условия независимости, самостоятельного определения стратегии развития в соответствии с собственными идеалами, наряду, а в ряде случаев и вместо институтов государственности, становится организованное дополитически сообщество.

Такое сообщество предшествует демосу, который, в свою очередь, является собственно политическим институтом и способен появиться только в специально организованных ситуациях и институционализированных средах [Habermas 1996:108].

На страновом уровне такое сообщество предполагает наличие большинства, объединенного морально, культурно и ценностно [Müller 2015] в противопоставлении чужеродным меньшинствам, ориентированным на ценностные комплексы за пределами сообщества. Именно в силу этой композиции основные интеграторы идентичности такого сообщества сосредоточены на вопросах, которые традиционно вытеснены в сферу за пределами прямой достижимости государства [Teubner 2008:835, 842–843] – религия, трудовая этика, нормы поведения, семейные отношения, демографическое воспроизводство населения и социальное воспроизводство коллективно разделяемых ценностей. Защита именно этих глубинных комплексов в их страновых трактовках и специфичных практиках является не только причиной, но и целью существования государства. Институциональный трансфер властных компетенций и решений на наднациональный уровень, который сужает поле действия государственных аппаратов по защите страновых сообществ, компенсируется снизу активным обращением страновых сообществ к собственной идентичности и социетальным основаниям.

Организационное поле политики ценностей

Таким образом, настоящая статья исходит из предположения о том, что специфика современного периода на постсоветском пространстве во многом задается динамикой влиятельного тренда, который связан с переосмыслением роли и места суверенного государства в мировой политической системе в условиях нарастания интеграционных процессов и неразрывно связанных с

ним изменений в представлениях об идентичности политического сообщества, которое данный институт организует.

Одну сторону данного процесса определяет сохранение государства в качестве нормативной политической формы как независимого территориально определенного единства. В условиях организационной замкнутости основные регуляторы общественных отношений, включая право, культуру, основной набор политических ценностей, здесь формулируются исходя из предполагаемой особенности каждого человеческого коллектива и, будучи сами воплощением этой особенности, становятся функциями территориального суверенитета. Государственный суверенитет в данной конструкции превращается в институт, гарантирующий безопасность и воспроизводство культурных основ странового социума. Парцеллизация физического пространства мира выступает таким образом условием развития всех существующих культур, однако, в составе различных обществ [Осколков 2019:81, 88–89]. В этом смысле справедливо говорить об автономии или предпочтительнее – о сингулярности ориентированных на государство коллективных идентичностей [Dezalay 1990:281]. Апелляция к уникальному духовному строю, производящему в долгом историческом времени особую «симфоническую, соборную личность» [Тимофеев 2020:30], которой является государствообразующий народ, становится одной из наиболее применимых технологий индивидуации на фоне других сообществ-изолятов. В этой конструкции обязанность государства ограждать уникальную идентичность политического сообщества, особость его ценностей, обеспечивать их безопасное воспроизводство в рамках территориальных юрисдикций становится неотъемлемой частью общественного договора.

Оборотная же сторона парцеллизации физического пространства и установления в нем государства как структурной доминанты состоит в беспрецедентном изоморфизме мировой политической системы [Di Maggio 1983:147–161], состоящей (при значимом разнообразии объективных характеристик отдельных образований) из конституционно и функционально подобных единиц [Meyer et al. 1997:152–153]. Изоморфизм реализуется как значительное сходство принципов деятельности властных аппаратов и их легитимации. Результатом унификации становится выхолащивание исторически возникающего и политически удерживаемого государством культурного и правового различия и тяготение государств к наиболее престижным моделям организации общественной жизни – демократическому правлению, верховенству права, подотчетности власти гражданам, стереотипным правовым установлениям, в которых собственно страновая специфика практически неопределима. Поэтому установление различия требует укрупненной метрики и проявляется скорее в составах крупных «правовых семей» [Zweigert, Kötz 1996] или сообществах государств со значительным опытом взаимодействия и «накопленной» общности [Verpoest 2008].

Возрастающая степень взаимоподобия политических систем распространяется в итоге и на ценностный универсум каждой политики, который испытывает давление одновременно со стороны двух противоположных, но равно важных

для обеспечения системной безопасности и сохранения автономии импульсов. Необходимо резервируя уникальность собственного ценностного строя, политике-государству требуется одновременно обеспечивать его встроенность в универсальный ряд фундаментальных ценностей, защита которых в возрастающей мере рассматривается как причина и цель существования государства, прямая обязанность и условие его эффективности уже в качестве участника мирового сообщества¹.

В содержательном плане ценностная универсализация наиболее явно осуществляется в области регламентации прав человека и все более прочно цементирует мировой ценностный консенсус линейкой крупных международных конвенций, в рамках которых образуются обязующие государства режимы с собственными системами интерпретации ценностей и организационного контроля над поведением государств, а именно системой международного правосудия. Эволюция в этой сфере ведет к положению, когда *«ни одно государство не может ответственно заявлять, что обращение с гражданами в вопросах о правах человека является вопросом исключительно внутренней политики»*², автономной интерпретации смысла и содержания политических ценностей. Реальная или прагматически конструируемая оппозиция к универсально признаваемым правам, свободам и режимам их обеспечения может вести к санкциям со стороны международного сообщества – от резонансных судебных решений к торговым эмбарго и далее – вплоть до полномасштабных вторжений в форме «гуманитарных интервенций».

Таким образом, в современных условиях возникает специфическое организационное поле политических ценностей [Scott 2001:79], в котором государства, опираясь на свою идентичность и акторность, конкурируют с тем, чтобы добиться большей легитимности, престижа и статуса [Болгова, Никитина 2019:17]. Эффективность деятельности правительственных центров на этом поприще напрямую зависит от их способности рефлексивно реагировать одновременно на оба организационных импульса, оперативно переключаясь между политическими ценностями странового и универсального рядов. Именно эта способность, наряду со стабильной экономикой, финансовой системой, должным контролем над силовыми ресурсами, становится сегодня одним из атрибутов «эмпирического суверенитета государства» [Berg, Kuusk 2010].

Суверенитет, идентичность и социетальная безопасность

Напряженность между указанными ориентациями на специфически национальные и универсальные ценностные системы в настоящее время приобретает нарастающую интенсивность. Утверждение действительности и значимости различия между универсальным и страновым ценностными рядами

¹ Всемирная конференция по правам человека. Венская декларация и программа действий. 25.06.1993. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 25.07.2021).

² USA. Report of the Commission on Unalienable Rights, Washington 2020. P. 30.

сегодня все чаще становится стратегией легитимации шагов ряда стран, направленных на упрочение политической автономии в рамках международной системы. Организационная связка «государственный суверенитет – уникальная идентичность» выступает оплотом социетальной безопасности человеческих коллективностей как их способности к воспроизводству своих языка, культуры, традиции, способов солидаризации, религии [Buzan 1991:433; Theiler 2010:105–114].

Именно такое стратегически заряженное обращение к уникальному коллективному опыту и исторической памяти проявляет свой организующий потенциал в новых смысловых комплексах, внедренных в Конституцию РФ, обогащенную в ходе новейшей реформы такими ценностными компонентами, как единство и преемственность государственного развития, тысячелетняя история, память и идеалы предков, память защитников Отечества, вера в Бога, добро, справедливость и историческая правда³. Отсылка к уникальности собственно российских смыслов и ценностей, культурного наследия, сформировавшихся в долгом историческом времени, в широкой межэтнической коммуникации на стыке культур и цивилизаций⁴ служит консолидации и предьявлению «самости» российской идентичности в международном контексте. При этом апелляция к исторически сложившемуся ценностному универсуму становится важным компонентом как внутренней, так и внешней политики [Лавров 2021].

Российский опыт вписывается во влиятельный мировой тренд, в рамках которого стремящиеся к упрочению политической автономии государства активно прибегают к манифестациям особых, свойственных им ценностных комплексов. Один из наиболее свежих примеров – выход Турции весной 2021 г. из «Стамбульской» конвенции Совета Европы о правах и защите женщин. При этом руководство страны объяснило свои действия несовместимостью смыслов конвенции с традиционными ценностями страны⁵. Еще один случай обращения к особому ценностному порядку, возможному только в национальном контексте, представляет КНР, руководство которой заявляет о приверженности страны особому сфокусированному на народе подходу к правам человека, с приоритетом прав коллективного характера, связанных прежде всего с безопасностью во всех ее проявлениях⁶.

На фоне полноценных оградительных в отношении ценностей в их национальных трактовках стратегий сильных участников международной системы ситуация на европейском постсоветском пространстве, включая как бывшие советские республики, так и постсоциалистические страны, обладает

³ Конституция РФ. Преамбула, части 2, 3. ст. 67.

⁴ Конституция РФ. Ст. 68.4, 79, 80.

⁵ РИА Новости. В Турции объяснили выход из Стамбульской конвенции по защите прав женщин. 21.03.2021. URL: <https://ria.ru/20210321/turtsiya-1602231081.html>

⁶ Wang Yi H.E., A People-centered Approach for Global Human Rights Progress. Remarks at the High-level Segment of the 46th Session of The UN Human Rights Council. 22.02.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1855685.shtml (accessed: 25.07.2021).

выраженной спецификой. Здесь конфликт между ориентациями на национальные и денационализированные ценностные ряды приобретает особо острое течение и в целом ряде ситуаций обнаруживает их малую совместимость. Поэтому решение задачи самостоятельного ценностного решения в странах, испытывающих дефицит автономии, и это как раз случай интегрированных и ассоциированных с ЕС постсоветских стран, переживающих одновременно трансфер суверенитета в наднациональные структуры и обладающих выраженной особостью ценностного строя, требует особой институциональной адаптации. Здесь вынужденно формируется специфическая композитная модель государства, которая создает защитную периферию, мимикрирующую под заданный международной системой стандарт с целью в полной мере сохранить традиционный уклад жизни в сердцевине политического организма [Бляхер 2008].

Политика ценностей в интеграционных образованиях: опыт Восточной Европы

Интеграционная политика Европейского союза прямо предполагает строительство отношений и со странами – членами ЕС, и с кандидатами на вступление, и с ассоциированными государствами периферии с позиций ценностного регулирования. Соответствие политических решений и практических шагов государств всей совокупности европейских ценностей, при всей их бинарности и внутренней противоречивости [Todorov, Anzalone 2005/2006:16–22], рассматривается в качестве метрики адаптации стран к европейскому проекту, условия предоставления кредитных линий, инфраструктурной помощи, особых правовых режимов, доступа граждан стран периферии в отдельные секторы рынка труда в странах ЕС и т.д.

Расширение в 1990-х гг. Европейского союза на восточноевропейскую периферию привело к тому, что бывшие социалистические страны были с разной степенью глубины вовлечены в состав данного объединения. С институциональной точки зрения, данная ситуация ведет к обострению в постсоветских странах проблемы двойной лояльности правительственных центров обществу, идентичность и ценности которого они должны охранять в рамках конституционно закрепленного общественного договора, и ЕС как новому властному центру. Причем возможность оперативного переключения между этими двумя функциями в значительной мере заблокирована, независимо от глубины интеграции в состав европейского проекта. Если постсоциалистические страны – члены ЕС и обладают доступом к основным механизмам политической коммуникации, то реальное обращение к ресурсам идентичности, принятие политических решений, законодательная деятельность, направленная на защиту основных ценностных комплексов, присущих сообществам ответствующих стран, ведет к прямым содержательным столкновениям с ЕС.

Возможности ассоциированных постсоветских государств к самостоятельному ценностному регулированию ограничены в еще большей мере,

несмотря на неглубокий характер интеграции в правовое пространство ЕС. Линейка «Соглашений об Ассоциации»⁷ ЕС с бывшими советскими республиками обнаруживает предпринимательский характер европейской политики в продвижении своих ценностей в периферийных государствах (а эта функция в области внешней политики прямо вменяется ЕС в рамках учреждающих договоров⁸) в качестве одной из важнейших технологий субординации их политических пространств. Контрдействия национальных правительств лимитированы институционально за счет аутсорсинга функции разрешения споров во внешние судебные инстанции – Суд ЕС и Европейский суд по правам человека⁹. Предельно урезаны также возможности представлять свои позиции в рамках законотворческого и исполнительного процесса в ЕС¹⁰. Экономически данная конструкция фиксируется зависимостью от европейских кредитов и программ инфраструктурного развития. Внедрение ценностной кондициональности в коммуникацию со странами периферии обеспечивает ЕС беспрецедентно эффективным инструментарием принуждения и дисциплинирования правительств и должностных лиц ассоциированных государств [Pankevich 2019:261–262]. Фактически можно констатировать, что ЕС присвоил «мандат на государственное строительство в сопредельных странах Восточного партнерства» [Hillion 2016:18].

Однако именно эта предпринимательская позиция в отношении принудительного трансфера европейских ценностей в социальные контексты и политические практики оказывается сегодня чрезвычайно проблематичной для легитимности ЕС, поскольку субординация правительственных центров в ассоциированных государствах отнюдь не ведет автоматически к конформности глубинных структур идентичности, ориентированной на ценности в их страновых трактовках. Причиной этого становится тот факт, что коммуникация правительственных центров ассоциированных государств и ЕС осуществляется именно в том слое институциональной структуры, который принимает на себя функцию «буфера» и призван оградить ценностное ядро сообщества от влияний извне. Это предопределяет заведомо низкую проникающую и индоктринирующую способность европейских ценностей в ассоциированных сообществах именно в силу того, что они предназначены для адаптации к функционированию в условиях интеграционных объединений главным образом политических и экономических структур странового уровня.

При этом очевидно, что и сама содержательная эволюция ценностной структуры ЕС сегодня отличается высокой динамикой и во многом оказывается неожиданной, в том числе для «старших» стран – членов Союза. Массированная

⁷ См. напр.: Association Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part // Official Journal of the European Union. 29.05.2014, L 161/3. Стереотипные соглашения также подписаны между ЕС и Молдовой, ЕС и Грузией.

⁸ Treaty on European Union, 2007. Art. 3(5), 8, 21. Current consolidated version: 01.03.2020 // Official Journal of the European Union. 2020/C 202/1.

⁹ Association Agreement (EU-Ukraine). Art. 5, 462.1, 463.1, 468.

¹⁰ Association Agreement (EU-Ukraine). Art. 322.

имплементация европейских нормативных комплексов (*aquis*) в 1990–2000-х гг. в странах периферии имела в виду прежде всего именно необходимость реформ политического устройства и экономической системы. Ассоциирующееся государство должно было доказывать свое соответствие «копенгагенским критериям», которые предъявляются перспективным членам ЕС и продвигают связный тандем политических ценностей представительной демократии и либеральной рыночной экономики в качестве базовой модели общественного устройства¹¹. В принципе такие изменения соответствуют уровню «буфера», когда реформы правительственного аппарата все еще не затрагивают глубинных дополитических смыслообразующих основ общества. Поэтому в целом ряде ситуаций действия правительств, имитирующие эффективный трансфер предложенных смысловых комплексов, и массивная проевропейская риторика не означают намерения достичь предполагаемых в ходе европеизации изменений на глубинном ценностном уровне и вовсе не обязательно встречают массовую поддержку.

Однако в настоящий момент ЕС предлагает ассоциированным государствам постсоветской периферии демонстрировать приверженность также и предельно жесткой интерпретации базовых прав человека, что предполагает внедрение европейских социетальных ценностей в глубинные структуры общественного устройства и нацелено на изменение всей социальной антропологии в целевых сообществах. С вступлением в силу в 2009 г. Лиссабонского договора конституционализация Хартии ЕС об основных правах¹² зафиксировала этот вектор, предложив предельно индивидуалистическую концепцию прав человека и расширив принципы недискриминации до столь широких пределов, что это вызвало отторжение даже в самих странах – членах ЕС. Оппозиция индивидуалистическим трактовкам права на жизнь, человеческого достоинства, социальной репрезентации поведения, которое традиционно считается нежелательным и неприемлемым, в качестве новой социальной нормы (европейская политика в отношении меньшинств) становится все более зримой не только в странах из числа с постсоветских, но и в странах западного ядра (Италии, Испании, Греции).

Соппротивление европеизации фундаментальных ценностей в их традиционных для страны трактовках имеет длительную историю в Польше. Еще в 2007 г. Президент страны при поддержке Сейма отложил подписание Лиссабонского договора на моральных основаниях и подписал его лишь с принятием специального протокола, исключая Хартию ЕС об основных правах. Последовательная оппозиция страны с отстаиванием традиционных для населения семейных ценностей, композиции родительских прав, с учетом религиозной приверженности значительной части населения, здесь достаточно показательна как пример переключения с интеграционной политики на

¹¹ Treaty on European Union. Art. 49.

¹² Charter of Fundamental Rights of the European Union. Created on October 2, 2000, ratified on December 7, 2000 // Official Journal of the European Union. 2000/C 364/01.

политику защиты социетальных основ нации. Практически это выражается в принятии решений против разрастания гендерной идеологии, проникновения ее в школьную систему (например, разрешение в 2010 г. католическим школам отказывать в трудоустройстве учителям с нетрадиционной ориентацией). Соппротивление правительства страны европейской политике расширения прав меньшинств в области жилищных отношений, наследования, представительства в гражданских правоотношениях вызвало здесь необходимость привлечения Европейского суда по правам человека в рамках единой ценностной политики ЕС. В том же ключе развивается ориентированная на страновой социум политика Венгрии, где оппозиция продвигаемым ЕС ценностным комплексам встречает поддержку как граждан, так и правительства страны. Ряд последовательных изменений в конституции Венгрии направлен как раз на защиту первичных, в прямом смысле витальных ценностей политического общества страны.

Защита государством традиционной модели брака и семьи, сложившихся форматов организации школьного и семейного воспитания детей, распределения социальных ролей между мужчинами и женщинами могут означать отзыв европейских субсидий из экономики Польши и де-факто стоили Венгрии 7,2 млрд евро¹³. Такая политика может повлечь возможность привлечения обеих стран к судебным слушаниям в Европейском суде [Кувалдин 2020], дисквалификации должностных лиц соответствующих государств в органах ЕС. Так в свое время уполномоченный по равным правам Польши была отстранена от работы в жюри Комиссии ЕС по присуждению наград в области антидискриминационной политики.

Ассоциированные постсоветские государства оказываются еще более уязвимыми, поскольку собственные граждане и внешние властные центры предлагают коренным образом различные ориентиры правительственных действий. Бессилие властей в принятии определенного ценностного ориентира и недостаток смелости следовать заявленной позиции ведут к заведомо проигрышным сценариям для легитимности правительственных режимов. Примером тому служат летние события 2021 г. в Грузии, где мизерный с точки зрения политической рациональности стимул привел к насильственному противостоянию между сторонниками традиционных ценностей и прозападными активистами. Ведь исключение преследования представителей социально неодобряемых меньшинств на уровне законодательства и правоприменения, включая полицейское, отнюдь не означает принятия подобных повесток обществом на внеюридическом уровне [Ungar, 2000:62].

В процессе коммуникации ЕС с постсоветскими политиями по поводу ценностей со всей очевидностью обнаруживает себя размежевание между холистски и индивидуалистически ориентированными сообществами, которое

¹³ Костецкий С. Утрата ценностей. Что заставило Польшу и Венгрию пойти против всей Европы... // ИА Lenta.ru. 20/07/2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/07/20/eu_oppos/?utm_source=news (дата обращения: 25.07.2021).

имеет в целом дополитический характер и напрямую отражает витальные характеристики того или иного сообщества. Именно это размежевание схватывает метрика авторитетного мирового мониторингового исследования лонгитюдного характера, показывающая, что в условиях последовательного сближения страновых ценностных комплексов в области политических свобод и прав процедурного характера (свободы слова, участия в выборах и общественных объединениях и др.) принципиальное значение сохраняют вариации ценностных рядов, структурированных по линиям светские/традиционные ценности; ценности, связанные с выживанием/самовыражением¹⁴. Примечательно, что данное разделение сохраняет свое значение в демократических и авторитарных конструкциях, либеральных и плановых экономиках, унитарных и децентрализованных правительственных системах и оказывается довольно толерантно к композиции правительственной надстройки и режима в целом. Оно имеет непреходящее значение именно в силу своей привязанности к глубоким слоям витальных ценностей, определяющих идентичность сообществ, и именно в этом смысле кодирует политические предпочтения и практики.

Остроту проблемы на постсоветском/постсоциалистическом пространстве, таким образом, задает то обстоятельство, что ценностные интервенции ЕС вышли далеко за пределы «буферной» зоны институциональной системы, ответственной за адекватное политико-экономическое взаимодействие ЕС и ассоциированных государств, и оказались направлены на трансформацию глубинных ценностных основ ассоциированных обществ. Опыт ассоциированных государств показывает, что социум может быть толерантен к утрате политического суверенитета и трансферу его комплексов в институциональные структуры надгосударственного уровня, если проекты ценностной интеграции не выходят за пределы буферного, защитного слоя государственной политики. В этом слое общества могут демонстрировать высокую степень конформности интеграционным ценностям политического ряда и правительственным риторикам.

Однако сохранение идентичности в ее полноте остается принципиально важным приоритетом странового сообщества, и атака на нее мгновенно актуализирует требования, связанные с государственным суверенитетом как основой социетальной безопасности. Причем если продвигаемые внешним властным центром ценности распознаются как чуждые, иностранные, враждебные и захватнические, подобная интервенция мгновенно дискредитирует и интеграционные правительственные стратегии.

Заключение и выводы

Описанная ситуация интересна тем, что позволяет осуществить анализ проблематики идентичности и ее влияния в нескольких измерениях.

¹⁴ World Values Survey. Findings and Insights, 2020. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (accessed: 25.07.2021).

Во-первых, ситуация асимметричной в постсоциалистических странах и неполноценной интеграции в бывших советских республиках проблематизирует вопрос об уровне бытования и социетальных функциях политических ценностей в современном обществе. Ситуация на постсоветском пространстве обнаруживает очевидно сервисный характер политических свобод и режимов по отношению к витальным правам личности и коллективным правам социума в их страновых или еще шире цивилизационных интерпретациях. Свой сервисный характер обнаруживают политические свободы, связанные с демократическим правлением, свободой слова, представительным характером власти, ее подконтрольностью обществу, верховенством права в действительности. Они необходимы для того, чтобы создать необходимую систему принуждений и ограничителей для действий властного аппарата государства, с тем чтобы обеспечить максимальный уровень защиты глубинных ценностей и связанных с ними форматов социальности.

Именно идентичность сообщества, витальные ценности, которые разделяют его участники, будут задавать предельный лимит свободе высказывания и саморепрезентации. Верховенство права служит процессуальной нормой для ограничения произвола государственных и частных акторов, но конкретное содержание правовой нормы вновь будет кодироваться необходимостью ее согласования с глубинными ценностями сообщества. Демократическое правление также не столько оказывается целью в себе, сколько направляет деятельность властных центров на обеспечение социетальной безопасности. Наконец, отношения государственного суверенитета и идентичности оказываются не столь симметричны, как обычно предполагается. В этом свете государственный суверенитет скорее оказывается сервисным институтом по отношению к идентичности странового социума, чем идентичность ресурсом суверенитета.

Во-вторых, данная ситуация позволяет осуществить декомпозицию политического сообщества и правительственного аппарата в рамках политической формы государства. Эти два ключевых участника политического процесса оказываются способны к осуществлению разнонаправленных ценностных стратегий в политике государства. Их видение желаемого развития может радикально различаться, а ценностная солидаризация – предполагать разных партнеров. В этом смысле для Российской Федерации открывается широкое поле действия, имеющее в фокусе население постсоветских и постсоциалистических стран, минуя коммуникации с проевропейски ориентированными и субординированными властными аппаратами. Как показывает опыт РФ как одного из лидеров интеграционных проектов в пространстве Евразии, отсутствие политических механизмов наднациональности не означает невозможность политической интеграции, предполагающей тесное взаимодействие элит и сообществ на ценностном уровне. В этом смысле политическая интеграция и институциональный трансфер суверенитета не столь жестко связаны и взаимообусловлены, как это предполагает модель ЕС [Болгова, Никитина 2019].

В свою очередь, опыт ЕС и государств в его составе показывают, что данная разновидность политического действия чрезвычайно востребована и широко применяется в целях расширения европейского влияния на периферийные государства. Центр геополитической конкуренции сегодня переносится в гуманитарную сферу и предполагает создание сетей влияния, привлечение отдельных сообществ, ориентированных на внешние центры нормирования, плотное взаимодействие с представителями гражданского общества [Сутырин 2020]. Данные стратегии занимают все более видное место в восточно-европейской политике и широко применяются в отношении Белоруссии, Украины, Грузии в качестве поддержки отдельных частных лиц, целевых групп – молодежи, ученых, профильных секторов общественного влияния – НПО, СМИ [Шишелина 2020].

Однако там, где европейская политика вынуждена искать отдельные точки доступа к ценностному влиянию, в том числе отклоняющиеся социальные группы в составе сообщества, РФ имеет возможность обратиться к идентитарным ресурсам большинства. Солидаризация обществ Центральной и Восточной Европы и РФ по поводу витальных ценностей сегодня становится все более очевидной и вовлекает широкий спектр институционализированных и неформальных политически значимых сил. В этом смысле в отношении ценностно заряженной евроинтеграции справедлива оценка консервативного поворота, в который оказались вовлечены постсоциалистические страны региона, Т. Келльнером: динамика ценностных ориентаций в странах постсоветского пространства не спускается «сверху» правительственными центрами [Köllner 2019].

Консервативная волна столь же активно инициируется снизу при широкой поддержке населения, а также таких акторов, как церковь, школа, СМИ и социальные медиа, через организованный общественный активизм, ориентированный на традиционные ценности. Ценностные повестки формулируются на социетальном уровне в процессе фоновой общественной коммуникации и манифестируются в форме «дискурсивных коалиций» задолго до электоральной победы артикулирующих их партий и движений, формирования консервативных парламентов и популистских правительств [Dąbrowska 2019]. Общественный запрос на политические программы, сфокусированные на специфическом восприятии идентичности сообщества в основе постсоциалистического государства, общественных ценностей как уникальной совокупности культурных смыслов и кодов, формируется в пространстве дополитической повседневности за счет массовых практик, относящихся к потреблению, пониманию родства и семейных связей, социальной мобильности, искусства и др. [Polese et. al. 2019].

Здесь существует общность глубинных смыслов и кодов, связанных с пониманием человека не в качестве индивидуализированного и вырванного из социального контекста субъекта, но в совокупности его отношений с семьей, народом, транспоколенческим единством, общей историей и опытом.

Это ценностное поле связывает народы стран Восточной Европы, о чем справедливо говорит Президент РФ¹⁵, и создает сеть мощных принуждений для страновых элит «снизу». В этом смысле РФ имеет все шансы стать действенным источником морального нормирования, предлагая собственные, более соответствующие культурным кодам и идентичности народов постсоветских стран трактовки ценностных рядов.

Поступила в редакцию / Received: 17.07.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Бляхер Л. Архаические механизмы легитимации // *Полития*. 2008. № 3. С. 7–29. DOI: 10.30570/2078-5089-2008-50-3-7-29.
- Болгова И. Восточное партнерство после украинского кризиса // *Современная Европа*. 2019. № 7. С. 115–123. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019115123>
- Болгова И., Никитина Ю. Евразийский экономический союз: между интеграцией и суверенитетом // *Современная Европа*. 2019. № 5. С. 13–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520191322>
- Бирюков С., Коваленко А. Геополитика восточноевропейских «крайне правых» // *Свободная мысль*. 2013. № 1 (1673). С. 97–110.
- Горшков М., Тюрина И. Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2018. № 1. С. 44–57. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57
- Кувалдин С. Ценности ЕС и их защита в европейском законодательстве // *Современная Европа*. 2020. № 7. С. 37–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720203745>
- Лавров С. В. О праве, правах и правилах // *Россия в глобальной политике*. 2021. № 4 (110). С. 8–20. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-8-20
- Осколков П. Мультикультурализм и европейские правые // *Современная Европа*. 2019. № 3 (89). С. 83–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320198391>
- Потемкина О.Ю. Вишеградская группа и «гибкая солидарность» // *Современная Европа*. 2016. № 6 (72). С. 43–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620164352>
- Сутырин В. Трансформация Восточного партнерства ЕС после 2014 г. // *Современная Европа*. 2020. № 2 (95). С. 11–122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope2202011122>
- Тимофеев Н.С. К возрождению суверенитета и народолюбия // *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 7. С. 28–33. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-7-28-33
- Шишелина Л. Вишеградская группа на фоне вызовов 2020 г. // *Современная Европа*. 2020. № 5. С. 89–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520208998>
- Шишелина Л., Ведерников М. Выборы в Европейский парламент 2019 г. и новый этап консолидации Вишеградской четверки // *Современная Европа*. 2019. № 5. С. 45–58. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520194557>
- Berg E., Kuusk E. What Makes Sovereignty a Relative Concept? Empirical Approaches to International Society // *Political Geography*. 2010. Vol. 29, No. 1. P. 40–49. DOI: 10.1016/j.polgeo.2010.01.005.
- Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London: Harvester Wheatsheaf, 1991. 262 p.
- Dąbrowska E. *New conservatism in Poland: the discourse coalition around Law and Justice* / K. Bluhm, M. Varga (Eds.). *New Conservatives in Russia and East Central Europe*. NY: Routledge, 2019. P. 245–259.

¹⁵ Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 26.07.2021).

- Dezalay Y.* The Big Bang and the Law: The Internationalization and Restructuration of the Legal Field / Featherstone M. (Ed.). *Global Culture: Nationalism, Globalisation and Modernity*. London: Sage Publications, 1990. P. 279–293.
- Di Maggio P.* State expansion and organizational fields / Hall R., Quinn R. (eds.). *Organizational Theory and Public Policy*. London: Sage Publications, 1983. P. 147–161.
- Flavier H.* Russia's Normative Influence Over Post-Soviet States: the Examples of Belarus and Ukraine // *Russian Law Journal*. 2015. Vol. 3, No. 1. P. 6–32.
- Habermas J.* *Between Norms and Facts: contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: Mit Press, 1996. 631 p.
- Hillion C.* Anatomy of EU norm export / van Eluswege P., Petrov R. (eds.) *Legislative Approximation of EU Law in the Eastern Neighbourhood of the European Union*. Routledge: New York and London, 2016. P. 13–20.
- Köllner T.* Religious conservatism in post-Soviet Russia and its relation to politics: empirical findings from ethnographic fieldwork / Bluhm K., Varga M. (Eds.). *New Conservatives in Russia and East Central Europe*. NY: Routledge, 2019. P. 245–259.
- Meyer J.W., Boli J., Thomas G.M., Ramirez F.O.* World Society and Nation-State // *American Journal of Sociology*. 1997. Vol. 103, No. 1. P. 144–181.
- Müller J.-W.* Parsing Populism: Who Is and Who Is Not Populist Today // *Juncture*. 2015. Vol. 22, No. 2. P. 80–89. DOI: 10.1111/j.2050-5876.2015.00842.x
- Pankevich N.* Eastern Neighbourhood of the EU: Alternatives for Integrative Projects Partnership / Kurzynsky-Singer E., Kulms R. (Eds.). *Ukrainian Private Law and the European Area of Justice*, Mohr Siebeck, 2019. P. 255–284.
- Polese A., Morris J., Pawlusz E., Seliverstova O.* *Identity and Nation Building in Everyday Post-Socialist Life*. Routledge, 2019. 192 p.
- Scott W.R.* *Institutions and organizations*. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2001. 360 p.
- Teubner G.* State Policies in Private Law? // *American Journal of Comparative Law*. 2008. Vol. 56, No. 3. P. 835–843.
- Theiler T.* Societal security / M.D. Cavelty, V. Mauer (Eds.). *The Routledge Handbook of Security Studies*. London: Routledge, 2010. P. 105–114.
- Todorov T., Anzalone J.* European Values // *Salmagundi*. 2005/2006. No. 148/149. P. 16–22.
- Ungar M.* State Violence and Lesbian, Gay, Bisexual and Trans-gender Rights // *New Political Science*. 2000. Vol. 22, No. 1. P. 61–75.
- Vernygora V., Troitino D., Västa S.* The Eastern Partnership Programme: is pragmatic regional functionalism working for a contemporary political empire / Kerikmäe T., Chochia A. (Eds.). *Political and Legal Perspectives of the EU Eastern Partnership Policy*. Cham/Heidelberg/New York/Dordrecht/London, 2016. P. 7–23.
- Verpoest L.* State Isomorphism in the Slavic Core of the Commonwealth of Independent States. KU Leuven: LINES Institute for International and European Studies Series, 2008. 189 p.
- Zweigert K., Kötz H.* *Einführung in die Rechtsvergleichung auf dem Gebiete des Privatrechts*, Tübingen: Mohr Siebeck, 1996. 729 s.

References

- Berg, E., & Kuusk, E. (2010). What makes sovereignty a relative concept? Empirical approaches to international society. *Political Geography*, 29(1), 40–49. DOI: 10.1016/j.polgeo.2010.01.005.
- Biryukov, S., & Kovalenko, A. (2013). The Geopolitics of the Eastern European “Extreme Right”, *Svobodnaya mysl (Free Thought)*, 1(1637), 97–110. (In Russian).
- Blyakher, L. (2008). Archaic Mechanisms of Power Legitimation in Russia, or Essays on the Roots of Nostalgic Consciousness. *Politeia*, (3), 7–29 DOI: 10.30570/2078-5089-2008-50-3-7-29. (In Russian).
- Bolgova, I. (2019). “Eastern Partnership” After the Ukrainian Crisis: The Value of Stability or Stable Values? *Contemporary Europe*, 7(93), 115–123. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019115123>. (In Russian).

- Bolgova, I., & Nikitina, Y. (2019). Eurasian Economic Union at a Crossroads Between Integration and Sovereignty, *Contemporary Europe*, 5(91), 13–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520191322>. (In Russian).
- Buzan, B. (1991). *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London: Harvester Wheatsheaf.
- Dąbrowska, E. (2019). New conservatism in Poland: the discourse coalition around Law and Justice. In K. Bluhm & M. Varga (Eds.), *New Conservatives in Russia and East Central Europe* (pp. 245–259). NY: Routledge.
- Dezalay, Y. (1990). The big Bang and the Law: The Internationalization and Restructuration of the Legal Field. In M. Featherstone (Ed.), *Global Culture: Nationalism, Globalisation and Modernity* (pp. 279–293). London: Sage Publications.
- Di Maggio, P. (1983). State Expansion and Organizational Fields. In R. Hall & R. Quinn (Eds.), *Organizational Theory and Public Policy* (pp. 147–161). London: Sage Publications.
- Flavier, H. (2015). Russia's Normative Influence Over Post-Soviet States: the Examples of Belarus and Ukraine. *Russian Law Journal*, 3(1), 6–32.
- Gorshkov, M., & Tyurina, I. (2018). Synthesis of Ethnic and Civil as a Basis for the Russian Identity, *RUDN Journal of Sociology*, 18(1), 44–57. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57. (In Russian).
- Habermas, J. (1996). *Between Norms and Facts: contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: Mit Press.
- Hillion, C. (2016). Anatomy of EU norm export. In P. van Eluswege & R. Petrov, *Legislative Approximation of EU Law in the Eastern Neighbourhood of the European Union* (pp. 13–20). Routledge: New York and London.
- Köllner, T. (2019). Religious conservatism in post-Soviet Russia and its relation to politics: empirical findings from ethnographic fieldwork. In K. Bluhm & M. Varga, *New Conservatives in Russia and East Central Europe* (pp. 245–259). NY: Routledge.
- Kuvaldin, S. (2020). The Values of the EU and their Protection in the European Law. *Contemporary Europe*, (7), 37–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720203745>. (In Russian).
- Lavrov, S.V. (2021). About Law, Rights and Rules. *Russia in Global Affairs*, (4), 8–20. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-8-20. (In Russian).
- Meyer, J.W., Boli, J., Thomas, G.M., & Ramirez, F.O. (1997). World Society and Nation-State, *American Journal of Sociology*, 103(1), 144–181.
- Müller, J.-W. (2014). *Parsing Populism: Who Is and Who Is Not Populist Today* (pp. 80–89). Juncture, 2015.
- Oskolkov, P. (2019). Multiculturalism and the European Far-Right: Looking for the Other. *Contemporary Europe*, 3(89), 83–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320198391>. (In Russian).
- Pankevich, N. (2019). Eastern Neighbourhood of the EU: Alternatives for Integrative Projects Partnership. In E. Kurzynsky-Singer & R. Kulms (Eds.), *Ukrainian Private Law and the European Area of Justice* (pp. 255–284). Mohr Siebeck.
- Polese, A., Morris, J., Pawlusz, E., & Seliverstova, O. (2019). Identity and Nation Building in Everyday Post-Socialist Life. Routledge.
- Potemkina, O.Y. (2016). Visegrad Group and “Flexible Solidarity”. *Contemporary Europe*, (6), 43–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620164352>. (In Russian).
- Scott, W.R. (2001). *Institutions and organizations*. Thousand Oaks: Sage.
- Shishelina, L. (2020). Visegrad Group in Light of Challenges 2020. *Contemporary Europe*, (5), 89–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520208998>. (In Russian).
- Shishelina, L., & Vedernikov, M. (2019). The 2019 EP Elections and a New Stage of V4 Consolidation. *Contemporary Europe*, (5), 45–58. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520194557>. (In Russian).
- Sutyurin, V. (2020). Transformation of the EU's Eastern Partnership After 2014. *Contemporary Europe*, 2(95), 111–122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020111122>. (In Russian).

- Teubner, G. (2008). State Policies in Private Law? *American Journal of Comparative Law*, 56(3), 835–843.
- Theiler, T. (2010). Societal security. In M.D. Cavelti & V. Mauer (Eds.), *The Routledge Handbook of Security Studies* (pp. 105–114). London: Routledge.
- Timofeev, N.S. (2020). On the Revival of Sovereignty and the Rule of the People. *Constitutional and Municipal Law*, (7), 28–33. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-7-28-33. (In Russian).
- Todorov, T., & Anzalone, J. (2005/2006). *European Values*. *Salmagundi*, 48/149, 16–22.
- Ungar, M. (2000). State Violence and Lesbian, Gay, Bisexual and Trans-gender Rights. *New Political Science*, 22(1), 61–75.
- Vernygora, V., Troitino, D., & Västa, S. (2016). The Eastern Partnership Programme: is pragmatic regional functionalism working for a contemporary political empire. In T. Kerikmäe & A. Chochia (Eds.), *Political and Legal Perspectives of the EU Eastern Partnership Policy* (pp. 7–23). Cham/Heidelberg/New York/Dordrecht/London.
- Verpoest, L. (2008). *State Isomorphism in the Slavic Core of the Commonwealth of Independent States*. KU Leuven: LINES Institute for International and European Studies Series.
- Zweigert, K., & Kötz, H. (1996). Einführung in die Rechtsvergleichung auf dem Gebiete des Privatrechts. Tübingen: Mohr Siebeck.

Сведения об авторе:

Панкевич Наталья Владимировна – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: n.pankevich@yandex.ru) (ORCID 0000-0001-7661-1754)

About the author:

Natalia V. Pankevich – PhD in Political Science, Associate Professor of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation (e-mail: n.pankevich@yandex.ru) (ORCID 0000-0001-7661-1754)